

УДК 130.12

**ПРАКСИОЛОГИЧЕСКОЕ ПОНИМАНИЕ СЕМЕЙНОЙ ПАМЯТИ:
АКТУАЛЬНОСТЬ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ
ТЕОРИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

Линченко А.А.

Статья посвящена анализу теоретико-методологических оснований изучения семейной памяти в контексте практического поворота и культурно-исторической теории деятельности. Выявлена взаимосвязь исторической культуры и семейной памяти. Обосновывается идея культурного опосредования практик воспроизводства семейной памяти. Особенности трансляции семейной памяти анализируются в контексте практик труда, быта и досуга. Обосновывается мысль, что эвристический характер культурно-исторической теории связан с особой ролью личности как селектора фактов и событий семейной памяти, особенностями трансформации семейной памяти в семейно-историческое сознание. Значение культурно-исторической теории деятельности также связано с изучением практик согласования различных способов тематизации семейного прошлого.

Ключевые слова: семейная память, культурно-историческая теория деятельности, практический поворот.

**PRAXIOLOGICAL UNDERSTANDING OF FAMILY MEMORY:
THE TOPICALITY OF THE CULTURAL-HISTORICAL
ACTIVITY THEORY**

Linchenko A.A.

The article analyses theoretical and methodological foundations of family memory studies in the context of the practical turn and the cultural historical activity theory. The author reveals the relationship of historical culture and family memory, and substantiates the idea of cultural mediation of family memory's reproduction practices. Peculiarities of family memory's translation are analysed in the context of the practices of work, life and leisure. It justifies the idea that the heuristic nature of

cultural-historical theory is associated with the special role of the personality as a selector of facts and events of family memory, features of the transformation of family memory into family history consciousness. The significance of the cultural historical activity theory is also associated with the study of the practice of harmonizing various ways of thematisation of the family's past.

Keywords: family memory, cultural historical activity theory, practical turn.

Исследование выполнено за счет средств гранта РФФИ 18-411-480001 «Трансформация повседневной мифологии семейной памяти в культурном ландшафте современной Центральной России: научная аналитика и региональные социокультурные практики».

Проблемы семейной памяти вряд ли можно назвать малоисследованным аспектом современных *memory studies*. Тем не менее, большинство исследований семейной памяти за рубежом были выполнены в рамках социологических, культурологических или исторических исследований, изучались в русле культурной антропологии и социологии повседневности. Междисциплинарный характер исследований семейной памяти и их многообразие не должны оттенять философское значение исследования данной темы. В последние годы в отечественной литературе появились исследования семейной памяти, выполненные в рамках социально-философского аспекта [4, 17, 22]. В одном из наиболее заметных исследований последних лет семейно-родовая память трактуется как «программа восприятия, воспроизведения, сохранения и передачи социального наследия, сложившаяся в сознании человека как репрезентант сложнейшей социальной системы родства – свойства, являющегося базовой матрицей по отношению ко всем остальным общественным отношениям. Память «окрашивает» их чувствами, мифологизирует и трансформирует, передается потомкам в виде семейных историй, легенд. В последующих поколениях это закрепляется в своеобразии ментальных характеристик общности» [17, с. 18].

Конечно, семейно-родовая память представляет собой, прежде всего, определенную систему знаний, убеждений, мифологий и легенд. Данное обстоятельство открыло большие перспективы для герменевтической [24] и нарративной философии [3; 23] в деле изучения семейной памяти. Однако семейная память представляет собой и совокупность практик воспроизводства семейного опыта, которые могут быть отрефлексированными, а могут таковыми и не являться. Именно практическая, повседневная сторона воспроизводства семейных отношений превалирует над другими ее элементами. Л.Ю. Логунова отмечает: «пространство родства определяет специфику структуры семейно-родовой памяти, событийность жизненных ситуаций фиксируется семейно-родовой памятью в зависимости от социальных позиций родственной группы, инвариантности частных практик и жизненных стратегий в разных исторических и поселенческих ситуациях» [17, с. 31].

В этой связи многогранность практической сферы семейной памяти открывает перспективы использования различных методологических стратегий так называемого «практического поворота» в социально-гуманитарных науках. Данная статья направлена на выявление и анализ преимуществ использования культурно-исторической теории деятельности в контексте методологических вопросов изучения семейной памяти.

«Практический поворот» и культурно-историческая теория деятельности

Постметафизическое понимание социального актуализировало идею практик как той среды, в которой происходит социальное взаимодействие и конструирование социального порядка. Более того, современные исследователи давно уже говорят о «практическом повороте» (practical turn) как наиболее перспективном горизонте исследований социальных отношений [36, р. 186]. «Практический поворот» получил широкое распространение в антропологической и социологической литературе в 80-е годы. Как отмечается, «в социологической теории термин "практика" также символизировал поиски компромисса между объективизмом системно-структуралистского подхода и

субъективизмом феноменологии, и в тоже время – попытки предложить "третий путь": либо посредством категориального синтеза, как например, в теории "структуриации" Энтони Гидденса, либо указанием на воплощенность социально-классовых структур в самом деятеле, как это попытался сделать Бурдье с помощью концепции "габитуса"» [6, с. 11]. Исследователи также указывают на то, что «сегодня практическая парадигма если и существует, то лишь как удобная территория для междисциплинарных исследований. С одной стороны, практика (или практики) все чаще фигурирует в качестве основной категории в антропологии, философии, истории, социологии, политической теории, теории языка, литературной теории, – и, в этом смысле, формируется некая общая для социальных наук парадигма. С другой стороны, для каждой дисциплины характерен свой, отличный от других способ включения этих понятий в исследовательскую традицию, свой способ концептуализации» [6, с. 22].

Сложившееся положение вещей означает, что сам объект изучения диктует необходимость выбора исследователю той или иной концепции практики как инструмента теоретического анализа. Будь то различные варианты «левой» или «гуманистической» концепции практики, близкой к марксистскому пониманию «праксиса» или вариантам «правой», «консервативной» теории практик, восходящей к работам М. Хайдеггера, Л. Витгенштейна и представленной в трудах П. Бурдье, М. Фуко, М. де Серто, Б. Латура и др. Более того, заметим, что в литературе неоднократно предпринимались попытки отыскания взаимовлияний этих условно называемых «левой» и «правой» концепций практики [7; 8; 31; 34].

Как отмечал А.Ф. Грязнов, водораздел между марксизмом и витгенштейнианством проявляется «главным образом в результате различного понимания самой социальности человека и путей трансляции ее в сферу языковой деятельности. Если в марксистской традиции язык трактуется как общественно-историческое явление, возникающее "из потребности, из настоятельной необходимости общения с другими людьми" прежде всего в

реальных процессах трудовой деятельности, то в работах представителей витгенштейнианской традиции общество фигурирует, скорее, как идеализированное "лингвистическое сообщество", все основные типы взаимодействия членов которого аналогичны многообразным формам речевой коммуникации» [8, с. 105.]. И для Маркса и для Витгенштейна, общественная жизнь является совокупностью практик, а не только совокупностью убеждений и мнений людей. «Маркс и Витгенштейн показывают, что отчуждение, счастье, удовлетворенность своей работой и т.д., в сущности, не являются сугубо личными состояниями сознания, ибо эти состояния концептуальным образом связаны с конкретными видами практики и различными обстоятельствами» [34, р. 182].

Определенным полем сближения «левой» и «правой» концепций практик может выступать методология социального конструктивизма. Речь идет о таком конструктивистском тезисе как отсутствие какой-либо самостоятельной объективной социальной реальности вне творческой активности ее участников. Социальная реальность постоянно создается в действиях социальных агентов, постоянно конституируется в процедурах интерпретаций участников. Поэтому социальная реальность обладает смысловой структурой, а социальный мир оказывается пронизан смыслами его отдельных участников. Однако данную позицию можно считать достаточно радикальным вариантом конструктивизма. Вместе с тем, сегодня применительно к социальным наукам все чаще говорят о так называемом конструктивном реализме как умеренной версии конструктивизма [13]. Так согласно Дж. Гибсону восприятие – это не обработка «следов» воздействия внешнего мира на сенсорную систему, а взаимодействие воспринимающего с внешним миром. Он полагает, что каждое живое существо выделяет в мире именно то, что соответствует возможностям его действия [13, с. 7].

Другой видный сторонник реалистической версии социального конструктивизма Р. Харре вообще полагает, что Я во всех своих вариациях, и, прежде всего, в качестве познающего существа должно быть понятно как,

прежде всего, существующее в социальных коммуникациях, как продукт и условие социально-культурной конструкции. Осмысленность субъективной реальности связана, по его мнению, с овладением индивидом системы коллективных значений – как языковых, так и практических [28].

Современный исследователь, работающий в русле парадигмы «практического поворота», таким образом, вынужден обращаться к комбинации методов, полем взаимоотношения, которых как раз и выступает сам объект исследования. Вместе с тем, движение к данной комбинации методов должно, по-видимому, начинаться из перспективы какой-либо одной избранной теории. Все это открывает определенные перспективы перед современными версиями культурно-исторической теории деятельности как одной из методологических стратегий умеренного конструктивизма и «практического поворота» в социально-гуманитарном знании.

Под культурно-исторической теорией деятельности мы понимаем методологическую исследовательскую программу, которая получила свое развитие как в работах представителей школы культурно-исторической теории Л.С. Выготского и в работах представителей деятельностного подхода в СССР (С.Л. Рубинштейн, А.В. Брушлинский, К.А. Абульханова-Славская). Подобная расширительная трактовка представляется нам уместной, так как мы не сводим культурно-историческую теорию деятельности к одной из ее версий, реализованных в историческом материализме в СССР или в советской психологии.

Совершенно справедливо полагает В.А. Лекторский, что «деятельностный подход не только имеет смысл, но и обладает интересными перспективами...что предполагает его пере-осмысление и отказ от его узкой интерпретации. Это означает также различение деятельностного подхода (или если угодно, деятельностной исследовательской программы) и конкретных теорий деятельности – в философии, методологии, психологии и т.д. – созданных в его рамках» [14, с. 76]. Напомним, что в самом общем смысле под деятельностью понимается «человеческая форма активности, содержанием

которой является целесообразное изменение и преобразование окружающего человека мира» [18, с. 151]. Несколько далее идет В.А. Лекторский, который в своей беседе с Л. Гараи отмечает, что в рамках изучения деятельности в целом необходимо выделять проективно-конструктивистские («активные») и неоконструктивистские («пассивные») теории деятельности [21]. Так, исходя из проективно-конструктивных теорий деятельности, сложно понять такие формы человеческой активности как коммуникация, понимание, любовь, моральный поступок и эстетическое созерцание, которые не являются однозначно конструктивистскими процессами. В этой связи, исследователи отмечают, что в данной ситуации необходимо «любую деятельность понимать как динамическое отношение человека к миру, включающее в свою структуру субъекта, объект, с которым субъект вступает в отношение и на который направлена работа (как активная, так и пассивная, как физическая, так и психическая), потребность, мотив, цель, орудия, результат, а также условия осуществления деятельности» [12, с. 71].

Важнейший лейтмотив деятельностной методологии – опосредование человека, создаваемой им же материальной и духовной культурой, самоизменение субъекта деятельности в процессе его взаимодействия с объектом. При этом В.А. Лекторский особо акцентирует внимание на том, что собственно деятельностный подход связан с реализацией именно идеи культурного опосредования, а не исследований действий единичного субъекта самого по себе. Как известно, наибольший вклад в развитие деятельностного подхода в нашей стране внесли представители психологической науки (Л.С. Выготский, С.Л. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев, А.Р. Лурия, П.Я. Гальперин, Д.Б. Эльконин, В.В. Давыдов и др.), а также ряд выдающихся философов – Э.В. Ильенков, М.К. Мамардашвили, Г.С. Батищев, Э.Г. Юдин. При этом, положения выдвигаемые представителями деятельностного подхода, не всегда вписывались как в марксистско-ленинскую теорию отражения, так и в исторический материализм в СССР, апеллируя к раннему Марксу.

Дальнейшее развитие деятельностного подхода за рубежом и в нашей стране только усилило его социально-философскую направленность. Речь идет о понимании деятельности в работах В.В. Давыдова, в работах А.А. Леонтьева и Д.А. Леонтьева. Это связано с принципиальным положением о социальном характере сознания и психики, глубокой взаимосвязи коллективной и индивидуальной деятельности. В сфере культуры, социальной реальности, идеального (Э.Г. Юдин, Э.В. Ильенков) формируются цели деятельности человека, и строится образ действительности, какой она должна быть в результате деятельности. И, вместе с тем, мы не склонны абсолютизировать деятельностный подход, рассматривая его как развивающееся явление, соотносимое с другими направлениями анализа семейной памяти. В этой связи постараемся выделить основные этапы становления культурно-исторической теории деятельности и показать их методологическое значение в деле социально-философского изучения семейной памяти.

Три этапа культурно-исторической теории деятельности

Современные исследователи деятельностной методологии в России и за рубежом выделяют несколько поколений культурно-исторической теории деятельности (Cultural Historical Activity Theory или СНАТ), которая вбирает в себя как сторонников школы Л.С. Выготского, так и сторонников подхода С.Л. Рубинштейна, а также современные зарубежные интерпретации их творческого наследия [29]. Первое поколение культурно-исторической теории деятельности отождествляется с работами Л.С. Выготского и связывается с обоснованием культурно-опосредованного действия посредством инструментов и знаков. Большое значение также имеют выводы Л.С. Выготского относительно исторической природы психологических функций человека, учение о зоне ближайшего развития, принцип двойной стимуляции.

Вместе с тем, зарубежные исследователи выделили целый ряд трудностей, с которыми подход Л.С. Выготского справиться не смог. «По мнению Ю. Энгстрёма, понятие деятельности в культурно-исторической концепции имеет ограничения. Эти ограничения выражаются в том, что

остаются неявными социальные и общие свойства человеческого бытия; что индивидуальная деятельность легко редуцируется в рационализацию осознаваемой цели; что иррациональная и "стихийная" деятельности оставлены без объяснения; что непонятно, откуда появляются цели и почему человек делает то, что он делает» [5, с. 14]. Другими словами, исходной единицей анализа деятельности оказывается сфера индивидуальной психики и индивидуального сознания. Данные проблемы преодолеваются вторым поколением сторонников культурно-исторической теории, которое связывается с именем А.Н. Леонтьева, С.Л. Рубинштейна, В.В. Давыдова и Э. Энгштрём.

Направленность исследований представителей «второго поколения», по мысли зарубежных исследователей, связана с разработкой теории предметного действия и перехода от описания индивидуальной деятельности к деятельности коллективной [26, р. 438]. В частности, Э. Энгштрём расширяет традиционную схему опосредованного действия Л.С. Выготского, содержащую в качестве компонентов: субъект, объект, орудия и знаки. Финский исследователь добавляет к ним такие элементы как правила и процедуры (rules and procedures), сообщество (community), разделение труда (division of labour). Вместе они составляют целостную систему деятельности [25, р. 78].

К данным выводам культурно-исторической психологии и психологической теории деятельности могут быть добавлены принципы единства морфологии сознания и морфологии деятельности, единства образа и процесса, анализа личности как иерархии деятельностей в работах А.Н. Леонтьева. В работах В.В. Давыдова и В.А. Лекторского преодолевается односторонний характер детерминации социальных отношений только лишь в процессе трудовой деятельности. «В практике индивид вступает в отношения с другими, практическая деятельность исходно имеет коллективный характер и поэтому опосредуется коммуникацией. Сама коммуникация может быть видом деятельности и быть формой создания социальной реальности» [14, с. 80].

В этой связи необходимо отметить результаты работы исследовательской группы В.В. Давыдова, связанные с реализацией психологической теории

коллективной деятельности. В своих работах В.В. Давыдов показывает ограниченность представления о коллективной деятельности как расширенной трактовки индивидуальной деятельности, то есть переноса индивидуальной структуры и механизма трансформации деятельности на коллективную. Коллективная деятельность подразумевает деятельность взаимную и взаимные действия. Это дает основания рассматривать данные действия участников как коммуникацию. Он отмечает, что «предметность коммуникации возникает в процессе понимания и рефлексии и выражается с помощью знаков и символов» [9, с. 81]. Это существенно сближает деятельностный подход и теорию коммуникативного действия, позволяет найти точки соприкосновения с теорией коммуникации Н. Лумана, социологической концепцией П. Бурдьё.

Наконец, третье поколение культурно-исторической теории деятельности связано с работами не только отечественных, но и зарубежных авторов. Сторонники деятельностного подхода стремятся рассматривать его как мультидисциплинарный подход [27, р. 4]. Если единицей анализа предшественников выступала деятельность как система, то для сторонников третьего поколения речь идет о взаимодействии как минимум двух систем, образующих сеть отношений [38]. Их исследовательский интерес также обращен и на вопросы пограничного взаимодействия между различными системами деятельности [37]. Сторонники данного подхода следующим образом формулирует ключевые положения третьего поколения культурно-исторической теории деятельности:

1) Система деятельности является основополагающим понятием, а минимальной единицей анализа является взаимодействие как минимум двух систем деятельности.

2) Многоголосие (полифония): система деятельности всегда является множественностью точек зрения, традиций и интересов.

3) Историчность: системы деятельности получают свои очертания и трансформируются в ходе длительных периодов времени. Возможности и

проблемы систем деятельности могут быть поняты только на основе истории их становления.

4) Центральная роль противоречий как источников изменения и развития. «Поскольку деятельности не являются изолированными единицами, но точками пересекающихся иерархий и сетей, они испытывают воздействие других деятельностей и прочих изменений в их окружении. Теория деятельности использует термин противоречия, чтобы указать на несоответствие внутри элементов, между ними, между различными деятельностями или между различными фазами развития единой деятельности» [30, р. 34].

5) Возможность систем деятельности к расширяющейся трансформации (циклы качественной трансформации), когда объект и мотив радикально реконцептуализируются в рамках все более расширяющегося горизонта [24; 32].

Таким образом, характер исследований сторонников культурно-исторической теории деятельности и ее эволюция открывают интересные перспективы использования ее методологического потенциала в контексте социально-философского изучения семейной памяти.

Перспективы изучения семейной памяти в методологическом ракурсе культурно-исторической теории деятельности

Применение идей «практического поворота» в исследованиях коллективной памяти (*memory studies*) давно уже показало свою плодотворность. Именно идея практик как среды воспроизводства социального оказала стимулирующее воздействие на рост исследований коллективной памяти, объем фундаментальных и прикладных исследований которой позволяют исследователям говорить о *memory studies* как особой области научного познания [10, с. 53]. Наибольшую популярность в этой связи получил так называемый процессно-реляционный подход. В частности, Дж. Олик предлагает рассматривать коллективную память не как устоявшийся теоретический конструкт, а как некую совокупность различных социальных форм, пространств и практик – от обычных воспоминаний до общих форм

поддержания образца. Память для него – это социальная деятельность, процесс, а не статичный объект. Дж. Олик выделяет следующие методологические трудности, характерные для большинства исследователей памяти: представление о единстве коллективной памяти, представление о том, что коллективная память отражает прошлое само по себе, представление о коллективной памяти как о вещи, и представление о коллективной памяти как об объекте, отделенном от других явлений культуры. Он пишет: «Не стоит измерять коллективную память как зависимую или независимую переменную, определяемое или определяемое явление. Концептуализация памяти через явления и места упускает из виду динамику и относительность процесса воспоминания, тогда как фигурации, напротив, их сохраняют и привлекают внимание к процессам структуризации и практикам» [19, с. 46]. Чем же может быть полезной в этой связи культурно-историческая теория деятельности в деле изучения семейной памяти?

Принципиальное положение сторонников культурно-исторической теории деятельности связано с необходимостью учитывать роль культуры в процессе материальной и духовной жизни человека. В нашем случае речь идет о влиянии исторической культуры общества на процессы формирования и трансляции семейной памяти. По мнению Й. Рюзена, историческая культура есть историческое сознание, схваченное в действии. Она представляет собой все формы и способы восприятия прошлого в контексте настоящего и будущего. Сюда входят и бессознательное, и политизация истории, различные аспекты запоминания, места памяти и идентичности. Она охватывает все случаи «присутствия» прошлого в повседневной жизни [35, S. 238]. Важно понимать, что историческая культура не является пассивным хранилищем знаний и представлений о прошлом. Она выступает как медиативная среда, активный участник нашего изменяющегося обращения к прошлому.

В этой связи направление исследований последних лет, связанное с дальнейшим выделением и дифференциацией семейной памяти, могло бы быть дополнено обратной стратегией – движением исследовательской оптики от

исторической культуры к семейной памяти. Это связано с тем, что семейная память не является изолированным элементом исторической культуры и активно использует ее коммеморативные ресурсы, символы, фигуры и конструкции памяти. Другими словами, семейная память говорит на языке исторической культуры своего времени и, более того, использует доступные ей формы исторического смыслообразования применительно к истории семьи, которые даны ей в исторической культуре. Семейная память артикулирует факты и события семейной истории не напрямую, но всегда через активное обращение к исторической культуре своего времени. Именно поэтому она оказывается особой формой «социального наследования» [17] и «социализации» [2]. В этой связи дальнейшее изучение способов и форм взаимодействия и взаимовлияния исторической культуры и семейной памяти могло бы стать предметом исследовательского интереса.

Не менее интересно посмотреть на исследования семейной памяти сквозь перспективу разработанного А.Н. Леонтьевым понятия «предметная деятельность», указывающего на специфику предмета деятельности в ее различных типах. Нам уже приходилось писать о том, что, например, на уровне повседневной деятельности (наиболее близком к сфере семейной памяти) можно было бы выделить как минимум три основополагающих типа деятельности, связанные с практиками труда, быта и досуга [1]. Для нас важно понимать, что передача семейного опыта, семейных традиций не всегда бывает артикулирована как непосредственная передача именно «семейных традиций». Семейная память – это не только совокупность знаний по истории семьи, но и набор привычек, характерных для сферы труда, быта и досуга в семье. В данном случае можно было бы указать на широкоизвестный феномен трудовых династий, который не получил еще обстоятельного исследования как пространство воспроизводства семейной памяти. Таким образом, сам предмет деятельности в труде, быте или досуге способен варьировать и изменять форматы трансляции семейного опыта и традиций. Характерно, что специфика данных сфер повседневной деятельности может также служить средством

формирования особых семейных мифологий и традиций семейной памяти, связанных либо с какими-то практиками быта, практиками досуга или, как уже отмечалось, с особенностями трудовой деятельности нескольких поколений членов семьи. Более того, поколение оказывается не единственным субъектом семейной памяти, метаформозы которой оказываются связаны со спецификой различных классов или социальных групп [1].

Еще более интересные перспективы исследования семейной памяти открывает направленность представителей культурно-исторической теории деятельности на приоритет изучения личности, в том числе и ее биографического самоосмысления. По мысли А.Н. Леонтьева личность как своеобразная психическая реальность формируется «в ходе своей биографии. В этом смысле личность и есть сгусток биографии» [16, с. 196]. Вместе с тем, завершая свою книгу «Деятельность. Сознание. Личность» он также отмечал, что в процессе саморефлексии человек, как правило, переоценивает свою жизнь, «сбрасывает с себя груз своей биографии» [15, с. 217]. Следует подчеркнуть, что обращается к семейной памяти всегда конкретный человек сквозь призму своей автобиографической памяти. В данном случае имеет место своеобразная «неразделенность» пространства семейной памяти и памяти автобиографической. Кризисы автобиографической памяти человека в старшем и преклонном возрасте [11, с. 19] во многом преодолеваются посредством обращения к семейной памяти. Личность оказывается тем селектором, который каждый раз из перспективы настоящего принимает решение, какую часть семейной памяти актуализировать, а что оставить в тени.

Именно в этом русле были проведены исследования места и роли нацистского прошлого в семейной памяти нескольких послевоенных поколений в ФРГ во второй половине XX века [33]. Однако обращенность культурно-исторической теории деятельности к личности актуализирует также и исследования в фокусе движения от семейной памяти к семейному историческому сознанию. Разница между данными формами обращения к прошлому лежит в степени рациональности и осмысленности. В случае

семейного исторического сознания мы не просто обращаемся к фактам и событиям прошлого как некоему «статичному грузу», который следует выучить и помнить. Мы обращаемся к прошлому семьи как к «истории семьи», что позволяет увидеть ее в совершенно разных контекстах: герои и антигерои, легендарное и «неудобное» прошлое. Наконец, речь также идет о месте и роли истории семьи в истории своего города, сообщества, страны. Подобная позиция предполагает, как правило, критическую переоценку и явно не укладывается в достаточно размытое понятие «семейной памяти». В этом смысле семейная память и семейное историческое сознание всегда оказываются пространством напряженного взаимодействия между исторической культурой и личностью конкретного человека, обращающегося к истории своей семьи.

В отечественной и зарубежной литературе по проблемам деятельности давно уже утвердилась мысль о понимании деятельности как системы. Системность деятельности означает, прежде всего, неразрывность всех основных составляющих процесса деятельности: субъекта, объекта, предмета деятельности, ее целей, средства и результатов. Характерно, что эволюция культурно-исторической теории, описанная нами выше движется именно в сторону усиления внимания к системным эффектам деятельности. Методологическое значение данных идей для семейной памяти трудно переоценить. Речь идет в первую очередь о понимании семейной памяти как динамической конфигурации различных контекстов семейного опыта. В этой связи приоритетное значение имеет обращение к самим практикам согласования различных способов тематизации семейного прошлого (например, как согласуются в семейной памяти семейные фотографии и семейные традиции, какие нарративы и ритуалы при этом используются). Надо заметить, что подобные исследования уже предпринимались [2; 20], однако были направлены на изучение взаимодействия нескольких составляющих семейной памяти, а не всего комплекса взаимоотношений.

Таким образом, междисциплинарный характер исследований семейной памяти и их многообразие не должны оттенять философское значение

исследования данной темы. Несмотря на то, что в последние годы в отечественной литературе появились исследования семейной памяти, выполненные в рамках социально-философского аспекта вряд ли можно считать изучение данной проблемы завершенной. Это связано с огромной ролью и значением практического поворота в социально-гуманитарных науках. Одной из версий практического поворота является культурно-историческая теория деятельности, которую следует интерпретировать как форму умеренного конструктивизма. Развитие культурно-исторической теории деятельности в современных отечественных и зарубежных исследованиях выявило целый ряд эвристических идей, которые могли бы стать методологической основой для новых исследований семейной памяти. Речь идет о дальнейшем изучении глубокой взаимосвязи исторической культуры и семейной памяти, культурном опосредовании практик воспроизводства семейной памяти.

Семейная память артикулирует факты и события семейной истории не напрямую, но всегда через активное обращение к исторической культуре своего времени. Предметный характер деятельности позволяет рассматривать семейную память не только совокупность знаний по истории семьи, но и набор привычек, характерных для сферы труда, быта и досуга в семье. Ориентация культурно-исторической теории деятельности на личность показывает, что к семейной памяти всегда обращается конкретный человек сквозь призму своей автобиографической памяти и ее кризисов. Личность оказывается тем селектором, который каждый раз из перспективы настоящего принимает решение, какую часть семейной памяти актуализировать, а что оставить в тени.

Избранная нами методология позволяет направить исследования в фокусе движения от семейной памяти к семейному историческому сознанию как особой форме рациональной и критической актуализации семейного исторического опыта. Понимание деятельности как системы позволяет обратить особое внимание на сами практикам согласования различных способов тематизации семейного прошлого, на сам комплекс взаимоотношений

основных составляющих семейной памяти, представленный не только семейными нарративами и артефактами, но повседневными традициями труда, быта и досуга.

Список литературы

1. Беляев Е.В., Линченко А.А., Савушкина А.В. Между прошлым и будущим: ценности поколений в современной России [Электронный ресурс] // *Studia Humanitatis*. 2017. № 4. URL: <http://st-hum.ru/node/610> (дата обращения 08.03.2019).
2. Берто Д., Берто-Вьям И. Семейное владение и семья: преемственность и социальная мобильность, прослеживаемые на пяти поколениях // *Социологические исследования*. 1993. № 2. С. 58-66.
3. Беспалова Ю. Нарративный поворот в социологии и проблема сохранения семейно-родовой памяти // *Телескоп*. 2015. № 3 (111). С.21-24.
4. Векилова С.А. Социальные рамки многопоколенной памяти // *Вестник ЮУрГУ. Серия «Психология»*. 2013. Т. 6. № 3. С. 46-53.
5. Ветошкина Л.П., Горюнова Л.Н. Основные идеи деятельностной концепции экспансивного обучения и развития Ю. Энгелстада // *Культурно-историческая психология*. 2013. № 1. С. 13-21.
6. Волков В.В., Хархордин О.В. *Теория практик*. СПб.: Издательство Европейского университета, 2008. 298 с.
7. Гольдман Л. Лукач и Хайдеггер. СПб.: Владимир Даль, 2009. 292 с.
8. Грязнов А.Ф. *Язык и деятельность: критический анализ витгенштейнианства*. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 152 с.
9. Давыдов В.В. *Теория развивающего обучения*. М.: ИНТОР, 1996. 544 с.
10. Досс Ф. *Как сегодня пишется история: взгляд с французской стороны* // *Как мы пишем историю?* М.: РОССПЭН, 2013. С. 9-57.
11. Клементьева М.В. Биографическая рефлексия как ресурс саморазвития взрослых людей // *Культурно-историческая психология*. 2016. Т. 12. № 1. С. 14-23.

12. Кондрашов П.Н. Философия праксиса Карла Маркса // Вопросы философии. 2016. № 10. С. 69-80.
13. Конструктивистский подход в эпистемологии и науках о человеке / Отв. ред. В.А. Лекторский. М.: «Канон-плюс», 2009. 367 с.
14. Лекторский В.А. Эпистемология классическая и неклассическая. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 256 с.
15. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Издательский центр «Академия», 2005. 352 с.
16. Леонтьев А.Н. Методологические тетради // Философия психологии: из научного наследия / Под ред. А.А. Леонтьева, Д.А. Леонтьева. М.: Издательство Московского университета, 1994. С. 163-225.
17. Логунова Л.Ю. Социально-философский анализ семейно-родовой памяти как программы социального наследования: дис. ... докт. филос. наук: спец. 09.00.11 – социальная философия. Кемерово, 2011. 267 с.
18. Огурцов А.П., Юдин Э.Г. Деятельность / Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1983. С. 151.
19. Олик Д. Фигурации памяти: процессно-реляционная методология, иллюстрируемая на примере Германии // Социологическое обозрение. 2012. Т. 11. № 1. С. 40-74.
20. Омельченко Е.Л., Андреева Ю.В. Что остается в семейной истории: память о советском сквозь разговор трех поколений // Социологические исследования. 2017. № 11. С.147-156.
21. О теориях деятельности: диалог о том, чем они богаты и чего в них недостает. Беседа В.А. Лекторского с Л. Гараи // Вопросы философии. 2015. № 2. С. 25-37.
22. Ростовская О.М. Семейная, родовая, национально-историческая память // Общественные науки в современном мире: политология, социология, философия, история. Сборник статей по материалам XIV международной научно-практической конференции. Москва, 5-15 октября 2018 г. М.: Интернаука, 2018. С. 75-78.

23. Томсон П. Семейный миф, модели поведения и судьба человека // Хрестоматия по устной истории / Под ред. М.В. Лоскутовой. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2003. С. 110-146.
24. Engeström Y. Expansive Learning at Work: toward an activity theoretical reconceptualization // *Journal of Education and Work*. 2001. Vol 14. No 1. P. 133-156.
25. Engeström Y. Learning by expanding: An Activity theoretical approach to developmental research. Helsinki: Orienta Konsultit, 1987. 305 p.
26. Faraja T.I. Cultural Historical Activity Theory // *Handbook of Research on Contemporary Theoretical Models in Information Systems*. New York: Computer Science & IT Books, 2009. P. 434-454.
27. Hakkarainen P. Editor's introduction: challenges of activity theory // *Journal of Russian and East European Psychology*. 2004. Vol. 42 (2). P. 3-11.
28. Harré R., Gillet G. *The Discursive Mind*. London: Sage Publications, 1994. 221 p.
29. Learning and expanding with activity theory / Ed. By Annalisa Sannino, Harry Daniels, Kris D. Gutierrez. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2009. 405 p.
30. Kuutti K. Activity theory as a potential framework for human-computer interaction research // *Context and consciousness*. Cambridge, MA: MIT Press, 1996. P. 9-22.
31. Marcuse H. *Heideggerian Marxism*. Lincoln and London, University of Nebraska Press, 2005. 158 p.
32. Nygård K. Introduction to cultural historical activity theory (CHAT) [Электронный ресурс] // UiO: Universitetet i Oslo [сайт]. 2019. URL: <https://goo.gl/XJY9H5> (дата обращения: 08.03.2019)
33. "Opa war kein Nazi". *Nationalsozialismus und Holocaust im Familiengedächtnis* / (Hrs.) Welzer, Harald; Moller, Sabine; Tschuggnall, Karoline. Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 2002. 256 S.
34. Rubinstein D. *Marx and Wittgenstein. Social praxis and social explanation*. London: Routledge & Kegan Paul, 1981. 231 p.

35. Rösen J. Historische Orientierung. Über die Arbeit des Geschichtsbewusstseins, sich in der Zeit zurechtzufinden. Köln: Böchlau. 1994. 288 S.

36. Stern J.D. The practical turn // *The Blackwell guide to the philosophy of the social sciences*. Oxford, 2003. P.185-207.

37. Tuomi-Gröhn T., Engeström Y. *Between school and work. New perspectives on transfer and boundary-crossing*. Oxford: Elsevier Science, 2003. 333 p.

38. Yamazumi K. Learning for critical and creative agency: an activity-theoretical study of advanced network of learning in new school project // *CHAT technical reports*. 2006. № 1. P. 73-98.

Сведения об авторе:

Линченко Андрей Александрович – кандидат философских наук, доцент, научный сотрудник Липецкого филиала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Липецк, Россия).

Data about the author:

Linchenko Andrei Aleksandrovich – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Researcher of Lipetsk Branch of Financial University under the Government of the Russian Federation (Lipetsk, Russia).

E-mail: linchenko1@mail.ru.